

В. Л. КЛЯУС
(Москва)

РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ РУССКОГО ДОМА В ПРИАРГУНСКОМ ТРЕХРЕЧЬЕ (КНР)

Аннотация. В статье рассматривается история дома в бывших русских поселениях Приаргунского Трехречья (Северная Маньчжурия КНР), изменение облика дома и его внутреннего убранства, трансформация обрядовых и фольклорных традиций, связанных с домом, произошедших под влиянием китайской культуры.

Ключевые слова: русский дом, обрядовые и фольклорные традиции русско-китайского пограничья

Культурологические исследования дома как сооружения, отражающего в своих основных элементах представление человека о мире и о себе, во многом опираются на идеи К. Г. Юнга и О. Шпенглера, которые определяли дом как модель структуры личности, отражающую все ее особенности [Юнг 2003], и как гибкую систему, принимающую форму человека того или иного времени [Шпенглер 2009]. Для нас особенно близок последний подход. «Праформа дома, — писал О. Шпенглер, — всецело прочувствованна и органична. Знание о ней невозможно. Как скорлупа наутилуса, как пчелиный улей, как гнезда птиц, она внутренне есть нечто само собой разумеющееся, и все черты изначальных обычаев и формы существования, супружеской и семейной жизни, организации племени имеют точное свое подобие в плане дома и в основных его помещениях — снях, зале, мегароне, атриии, дворе, женской половине, гинекее» [Там же, 121].

Дом, как и человек, переживает рождение и смерть, возникая в пространстве и, потеряв свой облик, продолжает существовать после ухода из него своих создателей. Примеров этого можно привести сотни, если не тысячи. Фактически любые археологические раскопки — это извлечение из-под слоев земли остатков сооружений и попытка

реконструкции жизни его обитателей. В данной статье мне бы хотелось остановиться на более близкой к нам по времени ситуации — возникновении и исчезновении русских деревень, русских домов в Приаргунском Трехречье.

Приаргунское Трехречье — это территория бассейна рек Ган, Хаул и Дербул, впадающих в Аргунь, административно включенная сейчас в Хулуьбуирский аймак Автономного района Внутренней Монголии КНР с центром в городе Эргуни (Лабдарин/Лабудалин). Эти земли были хорошо известны русским казакам, которые расселились по Приаргунью с XVII в. Богатое рыбой, зверем, заливными лугами Трехречье де юре принадлежало Китаю, но де факто с XVII столетия осваивалось забайкальскими казаками (причем как русскими, так и тунгусами, принявшими русское подданство), охранявшими границу. С XVIII в. они несли караульную службу на границе с Китаем.

Уже в XIX в. русские имели в Трехречье заимки, сенокосные угодья, пастбища, ходили туда на охоту и рыбалку. Активнее этот район стал осваиваться мигрантами из России после Первой мировой войны. Но пик переселения пришелся на годы Гражданской войны и утверждения в Забайкалье советской власти, когда многие, не только казаки, но и крестьяне Приаргунья, а также буряты и тунгусы, несогласные с новыми порядками в России, уходили в Трехречье, надеясь найти в Китае мирную жизнь.

Приток беженцев привел к возникновению больших селений. Активная хозяйственная деятельность русских Трехречья, которые, как и прежде в Забайкалье, занимались хлебопашеством, скотоводством, а также охотой, рыбалкой, собирательством, привела к бурному экономическому развитию региона: Трехречье стало житницей Северной Маньжурии и, в частности, одним из центров по изготовлению сливочного масла. Так продолжалось до 1950-х гг.

Установление коммунистической власти в Китае в 1945 г. и образование Китайской Народной Республики привело к кардинальному изменению жизни русских трехреченцев. С 1950-х гг. начался массовый исход русских в

СССР и в другие страны. Сегодня в Трехречье, как здесь говорят, «чисто русских», за единичными исключениями, не осталось, но русские культурные традиции сохраняются в среде метисов, потомков межнациональных (русско-китайских, русско-тунгусских) браков 1900—1950-х гг.

Этнографический и фольклорный материал, представляющий единую по своему характеру традицию, который собран у русских трехреченцев и их потомков, позволяет рассмотреть *рождение и смерть дома* на конкретном историческом примере в отдельно взятом регионе.

Дом не существует без хозяина-человека — субъекта его строительства, жизни и, в конечном счете, разрушения. В самом общем плане жизнь дома можно охарактеризовать следующим образом: 1) выбор места для строительства; 2) строительные ритуалы; 3) обряды при вселении в новый дом; 4) присутствии/отсутствии духа-хозяина дома и придворья, которые влияют на жизнь обитателей; 5) уход из дома жителей, которые, как правило, «уводят» с собой и духа-хозяина; 6) разрушение — смерть дома.

Первым временным жилищем русских в Трехречье обычно были старые заимки и землянки. Но уже через год на их месте появляются дома. Выбор места для дома, да и для поселения в целом, определялся несколькими условиями — близостью к воде, лесу, месту выпаса для скота и наличием плодородной земли. Приаргунское Трехречье, как и Восточное Забайкалье, откуда пришли основные засельщики, неоднородно по своему природному облику — здесь встречаются лесные, лесостепные и степные зоны. Для каждой из них были характерны свои особенности выбора места для проживания.

Начало строительства, его отдельные этапы и завершение, заселение дома, а также, конечно, жизнь семьи сопровождалась целым рядом ритуалов. Но в отношении русского дома Трехречья, к сожалению, мы располагаем крайне скудным материалом. Нынешние жители этого региона Северной Маньчжурии, которые соотносят себя с русской культурой, с русским миром, мало что помнят из истории бывших русских по-

селений, а тем более обряды, которыми сопровождалось возведение нового дома. Проводя полевые исследования в 2007—2010 гг., я смог получить только одно свидетельство о том, что такие все же имели место. Показательно, что оно принадлежит «чисто русской» бабушке — Таисье Николаевне Петуховой. Ее судьба сложилась таким образом, что, родившись в 1931 г. в Китае и выйдя замуж за китайца, она никуда не уехала отсюда. На мои настойчивые распросы о русских домах, об их строительстве она рассказала только то, что русские *«место выбирают, смотрят, и потом вот <...> чтоб все нормально было, все спокойно было — поднимают матки. Потом, кадры поднимут матки, и тогда <...> на матках гуляют, <...> обед налаживают»*.

Это краткое свидетельство говорит о том, что для русских жителей Приаргуны выбор места для будущего дома имел важное значение, что одним из главных моментов в его строительстве было поднятие матки, которое обязательно сопровождалось ритуальным застольем, скорее всего с участием не только будущих хозяев, работников, но и пришедших на «помочи» соседей и родственников, как это вообще было характерно для Забайкалья [Игнатович 2009, 118; Соловьева 2011, 130]. Никакой информации о том, клали ли русские трехреченцы в основание дома деньги, приносили ли в жертву при его строительстве петуха или какую-то другую домашнюю живность, к сожалению, получить мне не удалось. В российском Приаргунье до сих пор при строительстве дома, гаража или бани под матку кладут деньги (записи из п. Нерчинский Завод и Горбуновка Нерчинско-Заводского р-на и п. Заргол Приаргунского р-на Забайкальского края) [Архив УНЦСА РГГУ 2008].

При посещении бывших русских трехреченских поселений постоянно ловишь себя на том, что ищешь приметы пребывания здесь когда-то русских. Первое, что бросается в глаза, — большое количество рубленых бревенчатых домов в поселках. Но значительная часть из них — поздние постройки, поставленные, когда русские уже покинули Трехречье. Их архитектурные особенности: внутренняя планировка

пространства, число и расположение оконных проемов, их размеры, использование кана вместо печи и др. — все это отличает современные дома трехреченских поселков от старых русских строений. Общее у них одно — использование бревен как основного строительного материала. Строить из них, по замечаниям моих собеседников-метисов, китайцы научились у русских.

Старые русские дома в Трехречье еще встречаются. Буквально в каждом бывшем русском поселении можно еще найти два-три дома, а то и больше, которые были когда-то построены именно русскими. Но из-за ветхости они или совсем заброшены, или используются как хозяйственные строения, или в них живут совсем бедные китайцы, которые не имеют материальной возможности построить для себя новые дома. В некоторых из них мне удалось побывать и увидеть немые свидетельства ушедшего русского быта — кольцо, на которое крепилась лялька, внутренние наличники, полки в красном углу, где когда-то стояли иконы.

Одна из характерных черт «настоящего» русского дома в Трехречье — присутствие на окнах резных наличников и орнамента фасада. По своим сюжетам увиденные рисунки не отличаются разнообразием. Возможно, такая картина складывается по причине плохой сохранности «русского» дома в целом. Но, по моему мнению, однообразие и невыразительность домового орнаментаки объясняется другим. Дело в том, что она так же невыразительна и в российском Приаргунье¹. Видимо, уходя в 1920—1930-е гг. с этой приграничной территории в Китай, забайкальские

¹ Действительно, дома в поселках Нерчинско-Заводского, Приаргунского и некоторых других юго-восточных районов Забайкальского края, в бывших станицах и деревнях, некоторые из которых имеют уже двух-трехсотлетнюю историю, практически не встречаются дома с богатой деревянной резьбой, как, к примеру, в семейских селах на западе края и в соседней Бурятии. Такое отношение к внешнему облику дома можно объяснить тем, что история этого региона была тесно связана с ссылкой, каторжными работами, когда для приезжавших или попадавших сюда на поселение людей эта жизнь казалась лишь временным этапом. Отсюда, мне представляется, и вытекает нежелание украшать дом.

казаки и крестьянство унесли с собой именно такую традицию домовых деревянных резных украшений.

Другая черта русского дома — ставни. Но сейчас этот элемент практически в Трехречье не встречается, даже в домах, которые были когда-то поставлены «чисто» русскими. В годы культурной революции ставни, которые мешали следить за тем, что происходит в доме, начали просто снимать. Они продолжали использоваться только в «казенных» постройках, например в магазинах.

Из всех ритуалов, связанных с домом, более всего известен у китайских русских Трехречья обычай при заселении в него «проситься у домового». Об этом духе — хозяине дома помнят здесь почти повсеместно, более того, значительно лучше, чем обо всех других подобных персонажах низшей мифологии — баннике, лешем, водяном, русалке, хотя мне и приходилось попадать в ситуацию, когда само слово «домовой» моими собеседниками понималось в значении «родственник» (при том, что других использующихся в данном регионе терминов — соседка, дедушка-суседушка — они не знали).

Самые ранние по времени свидетельства о бытовании веры в домового (соседку, буседку) у жителей Восточного Забайкалья находим в работе К. Д. Логиновского «Материалы к этнографии забайкальских казаков» [Логиновский 1903, 4—6]. Он сообщает о том, что хозяину для спокойствия необходимо поддерживать добрые отношения с соседкой: проситься при переходе в новый дом, раз в год стряпать для него специальные лепешки. Исследователь также приводит несколько быличек о встрече с домовым.

Здесь же необходимо заметить, что сведения, записанные от китайских русских Трехречья, нередко относятся не к настоящему, а к прошлому: как правило, они слышали о домовом и обо всех других духах — хозяевах домашних построек, двора и огорода от своих родителей. Пожалуй, лишь в одном поселении Хулуньбуирского аймака — в Караванной (кит. назв. Энхэ)² — вера в домового является актуальной, и обра-

² Здесь и далее названия поселений приводятся в том виде, в котором они были известны в 1920—1950 гг.

ды, связанные с его почитанием, совершаются до сих пор.

Как правило, респонденты о домовом-хозяйине вспоминали именно в связи с ситуацией вселения в новый дом, воспроизводя при этом формулу обращения к нему:

Дедушке-соседушке говорят...: «Дедушка-суседушка пусти меня не ночь ночевать, а век вековать». Это едак всё. Мне ране Лина рассказывала (Т. В. Фомина, 1945 г. р., метиска, с. Попирай).

Када в избу в дом новый закачуешь, у домового просисься: «Пусти нас, тама жить, не день, не два — на весь век!» Это как-то говорят. Ага (Н. И. Григорьева, 1937 г. р., метиска, с. Щучье).

«Пусти хозяйин жить». Хлеба, соли в четыре угла. ... Просились у хозяина. Домовой хозяйин. ... «Домовой хозяйин, пусти меня тут жить». Ну, я так говорю. Раньше эта, стары люди все так просились (Г. М. Пахарукова, 1944 г. р., метиска, с. Верх-Кули).

А вот нову избу поставят, потом надо попроситься ишио. Пойдут икону возьмут, хлеба возьмут. Потом пойдут, попросят у его, говорит. «Господин хозяйин, пусти нас на квартиру», — говорит. Ну, и есть же потом заходит вся семья (М. А. Макарова, 1930 г. р., метиска, с. Ернишное).

В двух последних сообщениях упоминается о том, что, заходя в новый дом, при обращении к домовому заносили хлеб, соль и иконы. Более подробно об этом было записано в Караванной, где, как я уже отметил выше, данный обычай бытует до сих пор.

Анна Антоновна Михалева, 1932 г. р., — вторая из «чисто» русских женщин, которая выйдя замуж за китайца и родив детей, никуда не уехала из Китая, — рассказала, что при переезде в новый дом, когда просят, тогда говорят: *Господин домовой, госпо-, госпо-, господин-хозяйин, пусти нас на квартиру.* При этом она добавила: *Я тоже заходила в эту*

избу-ту, хлеб занесла, соль занесла, иконы. С иконам заходила.

Интересные тексты обращения к домовому были записаны от Маруси Дементьевой, 1941 г. р., и Анны Балябиной, 1947 г. р. Обе метиски, и та и другая, видимо, не один раз совершали данный ритуал.

По словам первой: *Мы всегда в избу закачавываем, в нову избу. Мы всегда просимся. Домовой. Говорят домовой — это хозяйин. Но. От у нас в котору избу бабушка всё говорила, потом мама говорила: «Вы будете закачавывать, испечите чё-нить прянички или чё ли, куды-нить подоткните. Это. Потом говорите: «Домовой, ну, дедушка, ага. Пусти нас суды жить, ага. И ну, береги, ну, моих детей и всех, чтоб все были здоровы, живы-здоровы и работали». Так просят вот у его и положат. Вот мы тоже вот эдак.*

Анна Балябина рассказала следующее: *У меня дети куды кочуют, я всегда разрешаюся у домового. <...> С хлебом-солью захожу, разрешаюся-ка: «Разреши, домовой, прими моих детей, спаси моих детей. Счастья давай!» Хлеба, солью поставлю и икону вперёд занесу. <...> Зайдеш в дом, потом икону вперёд поставишь, потом разрешаешься и хлеб, соль туды в передний угол поставишь. Потом, когда у нас дети закачуют, первый раз варить, тамака готовить обед ли кого ли, и потом этот хлеб и соль скушают. На вопрос о том, оставляют ли домовому специально испеченные булочки и где, добавила: *А в углах!... А вот все четыре угла... В какой день вот разрешаешься, в этот день!... И больше не надо.**

Резные наличники на окнах старого русского дома в п. Верх-Кули. Фото автора, 2007 г.

Таисья Николаевна Петухова, жительница п. Караванная. Фото А. Г. Игумнова, 2007 г.

Различие в формуле обращения к домовому у А. Балябиной и М. Дементьевой объясняется, видимо, тем, что в их семьях никто кроме них — ни мужа, ни дети, ни внуки — уже не говорит по-русски. И, просясь у домового, они произносят эти слова по-китайски. Из интервью с М. Дементьевой: *Я когда по-китайски тоже говорю-ка. И по-русски и по-китайски тоже говорю: «Хозяин» (мы его зовём хозяин). <...> «Хозяин, пусти нас суды, ну, жить и давай нашим детям добра, здоровья. Пусть все были здоровы и хорошо зарабатывали деньги. Жили все. Жили всё хорошо. Пусть богаты будут». <...> По-китайски он мы говорим «zhuren» его, «zhuren». Zhuren, Rang women de haiji hao hao guo rizi, rang tamen shenti jiankang, baoyou tamen* Хозяин дома, да пусть наши дети хорошо живут, пусть они хорошее здоровье <имеют>, бог храни их³.

Формула обращения к домовому явно трансформировалась под влиянием китайского языка. *По-китайски-ту ведь тоже она просятя*, — сообщила А. А. Михалева. — <...> *По-китайски тоже у их есь такой закон. Они его называют «чужен». Мы говорим «хозяин», а оне говорят «чужен».* Под китайцами русская бабушка здесь могла понимать и метисов, и собственно китайцев, живущих в Караванной. В любом случае этот, скорее всего, «закон» заимствован от русских: *Китайцы тоже, она тоже говоря эта здешны, мы имя говорим* (как обращаться к домовому при вселении в

новый дом. — В. К.), *они — по-китайски* (М. Дементьева).

О том, что исполняет данный ритуал за своих детей при переезде в новый дом, рассказала и Т. В. Фомина, живущая в Попирае: *А дети женились, девчонки ушли, ребята женились, я тоже ходила, просилась у дедушки-соседашки. Раз, гру, рус...* (видимо, хотела сказать «русские», но почему-то постеснялась. —

В. К.), полукровцы раз, но надо исполнить это всё. Всё раз э-э полагаться дак, надо исполнить. Я вот ходила. Ребятишки-то не понимают! Каво! Всё боле по-китайски говорят!

Но, очевидно, именно в Караванной этот ритуал продолжает оставаться особенно значимым, что не удивительно, учитывая особый статус поселка⁴. Маруся Дементьева, между прочим, не просто рассказала мне о нем, но и показала подношение домовому, которое было сделано при заселении в дом-гостиницу: *У нас вот там, видел, наладили? У нас жа тата-ка заезжают, гостиница. Тожа эта я ходила, просилась. Некуда там положить-ека. Оне (строители. — В. К.) мазали, я и не видала. А там на полку сунула. Туда никто не может залезть. Я туды положила. <...> Я пряников купила, я туда, никто не достает. Так забросила.*

Интересная подробность ритуала была сообщена сестрой бабы Маруси — Анной Дементьевой (метиска, 1934 г. р.): *Мы счас в эту избу закачуем, надо вот вперёд икону, соль занести. Потом чё? Вот на колени вставать к печки вот, кланится тут. Что «Домовой хозяин, пусти нас на квартиру! Нам тут не ночь ночевать, нам тут век вековать! Ты нас не трогай не всех, не беспокой. Мы также тебя не будем не трогать».*

Несколько иную формулу обращения к домовому по-китайски сообщила живущая в Караванной Анна (метиска, 1949 г. р.): *Qiu shen baoyou, baoyou*

3 Транскрипция и перевод маг. Лян Чжэ (КНР).

4 Караванная активно развивается как туристический центр. См. [Кляус 2010].

women lai zheli, zhu changjiu ‘Прошу бога хранить нас, хранить наш переезд сюда, желаю навсегда’⁵. Характерно, что она произносила при исполнении китайского обряда вселения в дом. По словам респондентки: *Счас ребятишки оне по-русски-то худо говорят и мало понимают. Вот куда качуют, сыновы вот обутки перва. Он жа хозяин! <...> <Обувь ставят> возле кровати или под кровать. <...> Ага. Ну, на уме так подумают, которые не говорят, так на уме подумают, что прекачевали на новый дом.* Анна при этом, отличает данный китайский обряд, который она совершает при переезде в новый дом своих детей, говорящих исключительно по-китайски и фактически являющихся уже китайцами, от того, который совершала для себя, русской: *А мы вот счас куда кочем, просимся у домового. Просимся ... Э... Погоди ж. Перва слова я забыла. Сзади запомнила, что «пусти, не ночь ночевать, не день дневать, а век вековать» <...> Ага. А мы по-русски качуем. Хлеб, соль, иконы и потома-ка у домового просимся. Перва иконы.*

Китайские русские еще помнят, что если не попроситься у домового, то заболит хозяева или дети, будет скотина пропадать (И. В. Васильев, с. Караванная; М. А. Макарова, с. Ернишное; Н. Дементьева, с. Караванная), будет чудиться (Аня, с. Ернишное).

Интересно, что относительно молодые метисы, 30—40 лет, уже не верят в это: *А мы зайдём, так живём — нормально, никак не видим. Каво чудится? Это сам дум один какой нерв худой всяко думат. Ему всё чудится. Это всё сам, само думат* (Аня, с. Ернишное).

Ритуал, который сейчас известен и исполняется лишь некоторыми метисами Трехречья, обычно имеет только одну форму, в том смысле, что они просят у домового, заходя в новый дом. В XIX — начале XX в. забайкальцы, предки китайских русских, могли сначала приглашать домового ехать с ними из старого жилища. Эту иную форму ритуала — приглашение домового из старого дома и перенос его в новое жилище — еще знают нынешние забайкальцы, живущие в Приаргунье. О ней же писал К. Д. Логиновский: «При переходе <...>

⁵ Транскрипция и перевод маг. Лян Чжэ (КНР).

в новый дом наливают рюмку водки и говорят: “Дедушка, соседушка, пойдис с нами жить”. При этом рюмку, прежде всего, уносят в новый дом и ставят ее в печурку, куда также кладут и испеченную для него лепешку» [Логиновский 1903, 5].

Современные жители Приаргунья, как на российской, так и китайской стороне, такого способа приглашения, когда домовому подносится водка, уже не знают. Домового-хозяина просто приглашают: *А что мы счас из этой покачуем, мы будем его, мы же жили тут, приглашать тожа с нам. <...> Дак мы покачевали, домовый хозяин с нами покачет* (А. Дементьева).

Помимо того, что в новом доме просятся у домового, в Караванной сохранилась традиция и освящения жилища святой водой (ее «получают», обмыв в простой воде иконы, поднявшись на Вознесенскую гору на 40-й день после Пасхи⁶): *Потом кады вот что в этой избе (в гостинице. — В. К.) я нынче только первый раз зашла, надо осветить её. Вот мы её осветили тоже. <...> Брызгаем, ага вот. Черемуху ли, чё ли е. Осину от только незля! Ешио осина, грит, проклята. Но. От черемуха, березка ломаем веточки и брызгам. <...> Весь дом, ага, по углам, весь дом* (М. Дементьева).

Взаимопроникновение русской и китайской культур в жизни метисов Трехречья происходит на всех уровнях — материальном, духовном, обрядовом. Не являются исключением и ритуалы, связанные с возведением нового дома. Как о китайском обычае, постоянно соблюдаемом потомками русско-китайских браков при заселении в новый, только что отстроенный, дом, здесь рассказывается о том, как пускают «ракетки», т. е. фейерверки, а также прикрепляют на дом, ворота красный материал. В этом я смог убедиться в 2010 г., когда в Караванной отмечалось завершение стро-

⁶ М. Дементьева рассказала об этом следующее: *Или Пасха пройдет эта, сорок дён Водисень* (именно так! — В. К.), *ага? У нас там сопка, вишь, там кресс стоит, мы ходим туды молиться, ага, ну, Богу молиться. Мы потом икону унесем, там из, из дому, из речки воду унесем, ведра, и эти иконы там помоем, и все вот эта порядком и все молятся, все целуют. Потом этак обойдет ряд. Эта, эту воду все разделили по домам.*

ительства очередной «русской» гостиницы. По сообщению Т. Н. Петуховой, имеют место и другие «китайские» обычаи тогда, когда, к примеру, поднимают матку при строительстве дома: *Только у китайцев вот красный товар приколат (на матку. — В. К.). И потом конфеты берут, яйца круг варят, на пол бросают. <...> И русских тоже так жа, вот которы здесь были, на матки вот поднимают. Вот. Сама главна — матки.*

Взаимоотношения с домовым-хозяином должны были поддерживаться домочадцами в течение всего времени их проживания в доме. О том, как это делали забайкальские казаки в начале XX в. К. Д. Логиновский писал следующее: «Хозяевам для спокойствия в доме и благополучия животных важно поддерживать добрые отношения с «соседушкой», поэтому раз в год стряпают ему лепешки и кладут их в печурку (небольшое углубление в печи), в подполье, в конские и в скотские дворы» [Логиновский 1903, 4—5].

Это когда-то делалось и в Трехречье, судя по рассказу М. А. Макаровой из д. Ернишное: *Потом в Крещенье та кусочек хлеба в четыре уголочка кусочек хлеба положат. Эта, гыт, домовой там будет ись. Вот у нас мама-та в Крещенье та она кусочек хлеба возьмёт, залезет в подполье, наладёт туды. А я говорю: «Ты каво делаешь та?» Она гыт: «Домовой пускай ест», — говорит. Наблюдат его (т. е. ухаживает за ним. — В. К.). Не знаю, правда ли, не. А мы час никак не далаем. Мы чёта ничё живём. Никаво*

не делаю. Забыв название праздника, об этом же рассказала Т. Н. Петухова: *У русских ещё, знаете, вот таки бублички пекли из... из муки. И вот в подполье домовому рас... Да, да, да, в подпол наложат! Это домовому! <...> Вот это всегда у русских, всегда, и вот, сколь там, может, полгода, может, год пройдет, опять эти булочки испекут, ага, и опять ложат.*

На российской территории Приаргунья данная традиция, видимо, также еще сохраняется, хотя и в измененном виде. Так, в с. Дано в 2008 г. в доме одной из пожилых жительниц мне показали лежащие на шкафу сладости, которые представляли собой еженедельный подарок для домового.

Просятся у домового также тогда, когда заводят первый раз во двор скотину. Если этого не сделать, то скотина водиться не будет (Н. Дементьева).

Разговаривая с китайскими русскими Трехречья о домовом, я, конечно, не мог не затронуть тему о том, видел ли кто-нибудь его, в каких ситуациях, как он выглядит и т. д. Подавляющее большинство моих собеседников отвечали, что его увидеть невозможно. Было записано лишь два рассказа, в которых говорится о внешности домового хозяина.

По рассказу Г. М. Пахаруковой из Верх-Кулей, ее племянник, живущий сейчас в России, увидел однажды домового в образе старика, одной из характерных черт которого были большие синие глаза: *Эта, у меня племянник, счас он в Улан-Удэ, ему казался. Он лежал, спал на полу, глаза открыл — кто-то, он смотрит, кто-то лежит эта. <...> Но, старик. Глаза, гыт, сини-сини! Он говорит — большие глаза, сини! <...> Он испугался, он не может шевелиться, руки-ноги как отнялись, не мог шевелиться. Потому вдруг*

Китайские дети, приехавшие в составе туристической группы в п. Караванная, на качелях. Фото автора, 2009 г.

нету. И это, не знаю куды девался. Потом руки-ноги стали шевелится.

Более интересен другой рассказ — А. А. Михелевой из Караванной, которая увидела домового в образе старика-тунгуса, разговаривавшего по-китайски. Произошло это в доме ее дочери, вышедшей замуж за китайца: *Я у тай, у девки спала в Сиратуе, у второй девки, она час от покойна-то девка-та, у меня померла. И эта, на кровать-та легла, те раза я на тай кровати спала, а тут легла и во сне-та вижу — вот этой старичёк стоит. Старичок будто вот такой стоит, как тунгус всё равно, борода у его тэка, он стоит передо мной и говорит <...>: «О, Господи, эта кто ж на моём-та мести лежит?» Он по-китайски, говорит: «О! Tin na! Shi shei tifa ta shila?»⁷ 'Это кто маё-то место-то занял?'» Он по-китайски говорит! А я соскочила, да патома-ка: «О, Господи-та, ой, грю, господин, господин домовый этот хозяйит, я говорю, это я, легла тут-ка на твое место, говорю, неправильно сделала, не тебя не это ён, не разрешилась и тебя, и тебя не попросилась и легла на эта место-то». <...> А я по-русски ему отвечаю.*

На мой вопрос, почему домовый говорил по-китайски, Анна Антоновна ответила: *Так от он по-китайски говорит! Она же (дочь. — В. К.) за китайцем была! Место-то!..* Говоря о «месте», очевидно, она имела в виду то, что дом китайский.

Вообще, видимо, жить в китайском доме, по представлению русских Трехречья, считалось небезопасным. По словам Т. Н. Петуховой: *Вот у меня сестра всё говорила китайский дом, дескать, брать надо, опасно.* Дело в том, что в доме старшей сестры Таисьи Николаевны, где до этого жил китаец, «чудилось»: *Мы это жили в Чистой, я ещё в девушках была. А у мне сестра старшая, она покойная час, давно покойная. Я у ею в гости ездила. Ну, я малень..., не в больших годах, у ей сын Степан, он эта он тожа годах небольшие. Мы по-*

⁷ Исполнительница не в достаточной мере знает китайский язык, и фраза звучит по-китайски неправильно. Она должна была бы звучать так: «О! Tin na! Shi shei dzai vodetifa tan siala?» 'О! Небесное! И кто же на моем месте лег?'. Транскрипция, восстановление текста и перевод проф. Лю Куйли (КНР).

Фасад дома метисов в п. Караванная, которые занимаются туристической деятельностью. Над дверью повешено зеркальце, которое по словам хозяйки ограждает семью от всего плохого. Фото автора, 2007 г.

бегам, поиграем, придём спать лягим и ничё не слышим. Один раз на Новым годи мы бегали, играли, у меня сестра уснула. Дожидала нас и уснула. И я забе..., мы побежали, и я спать легла. Ой, слышу, стукаток открылся в задней избе, даже вот шкаф с посудой, даже посуда тряётся! Это действительно, это я знаю. Я со своей кровати прыгнула к своей сестре на кровать! Она: «Ой, ничё, ничё, ничё, ничё!» Скорее нам огонь зажгла: «Ничё не бойтесь, не бойся, не бойся! Это кошка, гыт, вроде залезла». Она нам всё не говорела. Не говорела. Один раз она уехала. Я вот забыла: оне куды с зятем уехали. Оставила одну старушку с нами, чтоб ты посиди, оне пока. Но, уже боле десять часов, а оне ешио не приехали. Уже стукаток открылся в задней избе. У-у-уй! Мы выскочили, я выскочила с рёвом. И эта старушка за нам. «О, Господи», — гыт. И скорей дверь замкнули и к ей ушли к этой старушки. Потом сестра приехала. И потом вы знаете чё мы? У сестры — прясло и китайска коса. Нашли вот такую косу! И в ей жёлта гумага, и она вот так сложена как цветок. Эту бу... Много народу были и все видели. И в печку эту косу бросили, сожгли. Даже она щалкнула, даже заслонка в сторону отлетела. И с того разу спокой стал. Оне говорят вот это кто-то косу подтолкал. <...> И оне, которы избу купили, там, гыт, один китаец с косой жил. <...> Оне сами с собой там с моей-то сестрой разговаривают — здесь, дескать, один китаец жил с косой с большой. Вот правильно,

косу нашли. И спокой стал. Ну вот, ну что это? Это, это не враньё и не сказка, это действительно. Я своим ушам слышала. Но я своей сестре захлестнулась на кровати. Ой, страшно! Да я тогда молоденька была. И страшно! Я грю: «Няня, это чё?» Всё няней звали. Я грю: «Няня, чё творится какой стукаток?» «Ничё, ничё, ничё, грит. Я сейчас огонь зажгу». Я вот которы раз разбудюся, всё огонь горит. Зять у меня сидит, которы раз сестра сидит. Я всё это погляжу. Почему они сидят? Но, молоденька, повернусь и опять сплю. <...> Но, оне боялись и боялись, чтоб мы бы не узнали, чтоб нас не напугать. А под послед мы всё равно узнали. <...> У их собачонка была! Чёренька вот такая! И вот она подошла к пряслу вот гребёт и гребёт. И у меня сестра ли: «Чё она там гребёт?» Подошла, стали и эту косу вытянули. Вот така маленька собачонка.

Коса была важнейшим элементом традиционной мужской прически маньчжуров. Завоевав Китай в начале XVII в., маньчжуры под страхом смертной казни обязали также всех китайцев-мужчин, ханьцев, заплетать волосы в косы, сбывая переднюю часть головы. Официально ношение мужской косы было отменено после Синьхайской революции 1911 г., но в самой Маньчжурии эта традиция, без сомнения, сохранялась дольше. Упомянутый в быличке китаец с большой косой, возможно, действительно, уезжая, срезал свою косу и оставил ее в своем бывшем доме. Конечно же, сам факт ее обнаружения однозначно в русской традиции осмыслялся как попытка испортить жизнь новых хозяев дома.

Впрочем, «чудиться» в русских домах Трехречья могло и по другой причине. Та же Таисья Николаевна рассказала еще одну быличку на эту тему: *Ну, это сейчас вот я, мне старушки рассказывали. Это, дескать, вот спать лягут и там стукаток, гоит, пойдет и у которых, гыт, гармони играет и танцуют, и всё. Это рассказывали старушки, но не знаю, правда ли, врут ли. И вот это потом, гыт, всё невозможно жить стало. И кто-то их научил. Кады это будет стукаток, звук и чтобы круг зачертить, где вот они в серёдке чтоб круг их скорей круг зачерчай. И скорей огонь зажжигают. Кады зачертишь, гыт, этот круг, он, они не могут выйдти. И огонь зажгли, и кукла, гыт, упала. Угу. Кто-то куклу, не знаю, что с чем это затолкал им. Вот эта кукла, вот чё она делала!*

Интересно, что все подобные случаи, связанные с чем-то необычным, с магией, чертями и т. д., живущие сейчас в Трехречье русские и метисы относят к периоду, когда здесь жили в основном русские: *Это старухи рассказывали, много-от раньше вот это всё творилось. А сейчас ничё не стало. Сейчас люди как черти стали. Ничё не бояться, всё пересилили. Всё перебороли!* (Т. Н. Петухова).

Другой дух-хозяин, которого необходимо упомянуть в связи с домашним хозяйством, — банник. О нем в Трехречье каких-то развернутых историй записать не удалось. Единственная ситуация, в которой вспоминали о баннике, — запрет ходить мыться в баню после двенадцати часов ночи. На вопрос об этом отвечали: *Пугали людей! Но чтоб боялись не ходили в баню. Девчонок пугали, ребят пугали — не ходите в баню ночью. Сухарить ходят там, женишатся, вот и пугали их там, что кто в бане есть и всё* (В. И. Громова, 1932 г. р., метиска, г. Ергуни); *Ну, так пугали тожа! <...> Тожа так пугали! Говорит, не надо поздно ходить в баню. Говорят, там чёрт в бане живет. <...> (А как этого черта зовут?) Банник! (М. А. Макарова, метиска, с. Ернишное); *В бане там тоже есть хозяин. Там банный хозяин. В бане везде, говорят, есть хозяин. Я не знаю. <...> Только в 12 часов вот нельзя в бане, говорят* (А. А. Михалева, русская).*

Канпель в одном из домов метисов в п. Караванная. Фото автора, 2007 г.

А мы сейчас двенадцать кады моемся! Раньше не пустят! — рассказала М. Дементьева. — *Они, говорят, в двенадцать часов ага вот эти, но оне, говорят, черти ходят. <...> Всегда, в двенадцать часов. Всегда ходят. Но. Вылезают. Но ходят, летают ли как. Душа ходят. Сами куда они вылезут. Двенадцать часов нехорошо время. Раньше всё так говорили люди.* Респондентка, видимо, слышала когда-то быличку о том, что человека, пришедшего в баню в двенадцать часов, стал давить черт, или, как она говорит, «нечистая душа», но запел петух и человек был спасен: *Оне, говорят, как будто так, но пришёл он там нечистой, говорят, что нечиста душа пришла. Петух за..., он хотел эту всё сделать, этого (человека) задавить ли чё ли. Петух запел и он убежал.*

Только от одного респондента я услышал, что при первом использовании новой бани также нужно было проситься у «банного домового»: *Да, в бане тоже первый раз заходят затопить, разрешаются. <...> Только зайти, заходи парится, начнешь — скажи: «Бани..., баней дамови, домовой, пусти нас в баню. Дай нам счастье, дай нам здоровье!» <...> (Это когда в первый раз?) Да! В нову! (А. Балябина, 1947 г. р., метиска).*

Но личные бани — это уже редкое явление в быту китайских русских. Не удивительно поэтому, что представления о баннике здесь сохранились в меньшей степени, чем о домовом.

История русских в Трехречье — это одна из многих трагических страниц в жизни нашего народа. Вынужденное бегство из Советской России в 1920—1930 гг., необходимость обустроиваться на новом месте практически с нуля; жизнь без гражданства, сначала под китайской властью, а затем под японцами, которые заставили, между прочим, в начале 1930-х гг. переселиться в глубь территории практически всех русских, находившихся вблизи границы; постоянные угрозы с советской стороны, которые выражались не только в разведывательной деятельности, но и в боевых рейдах Красной Армии, во время которых гибли мирные люди. И как

Печь в хозяйственной пристройке одного из домов п. Караванная, где живут метисы. Фото автора, 2007 г.

итог этой жизни — исход из Трехречья в конце 1950-х — начале 1960-х гг.

Русский дом как материальный и как символический объект переживал все эти события вместе со своими обитателями.

Удивительную семейную историю я услышал от М. Дементьевой. Бабушка вместе с ее мамой, которая была еще маленькой девочкой, бежали из СССР, видимо, из Нерчинского Завода, так как бабушка родилась там. Уже в Китае бабушка вышла второй раз замуж за китайца, и от этого брака родился Михаил, ее дядя. Дядя, по словам моей собеседницы, уже будучи взрослым, даже женатым, «знался» с русскими, т. е. собирал разведанные. Видимо, в какой-то момент он решил бежать в СССР: *Он так, гля, отца ничё был, а потом пьяный напился у отца всё, печки всё изломал, убежал, чтоб отец об ём навроде не думал. Всё ему преломал и на сани. <...> Но, я это слышу больши люди так вроде так раньше разговаривали, убежал у нас дядюшка, у дедушки всё переломал, всё про... и убежал. Коня запрёг, вместе с конём и сани, и тётка убежала. <...> Она жена его. Зина ее звать.*

Отказ от своего родительского дома, уход из него символически выразился в антисоциальном поведении — разрушении, при этом, что очень показатель-

такой его семиотически важной части, как печь.

С уходом русских, которые оставляли дома со всеми хозяйственными постройками, мельницы, магазины, школы, больницы, церкви, в эти поселки были переселены по приказу новой китайской власти с юга дунгане-мусульмане. Русский быт, хозяйство для них были совсем непривычны. По рассказам, «южане», которые никогда не видели таких домов, заколачивали в них двери и ходили через окно, ломали полы, не умели пользоваться печью, замазывали чистые стены. Такое несуразное поведение больше напоминает действия героев русских сказок о пошехонцах, и трехреченцы рассказывают об этом со смехом: *Раньше приехали <переселенцы>. В Тулунтуе-то были эти Кайковы<х> русские-то каки дома! Ой! Полы всё вырубали. Двери заколотили. По окошку лазали <...> В избе (у русских) вот выбелят, чисто, брава, светла. <Китайцы говорят>: глаза портит. Заморают. <...> Счас-то научились, чисто стали. Всякое было (А. Дементьева и П. И. Смолянский); И потом дом, везде везки (известкой. — В. К.) белены белый дом. Оне (переселенцы) не привышны. А пол покрашены жёлто. Оне это тоже не привычно. Портят, разрубили, чтоб не катко (не скользко. — В. К.) было. А сечас оне про это начали рассказывать, стары люди. Сами про себя смеются. Можно сказать всё сказка. Это правда было (Константин, метис, г. Ергуни).*

Современный русский дом в Трехречье — дом метисов, потомков русско-

китайских браков, которых официально насчитывается здесь чуть больше четырех тысяч, — сооружение, сочетающее русские и китайские черты. В нем можно увидеть иконы на божницах, рядом с которыми лежат пасхальные яйца и веточки вербы; увидеть предметы русского быта — фотографии в рамках на стенах, лавки (которые здесь, как и в Забайкалье, называются канапель), столы, стулья, самовары, матрешки и т. д. Но здесь же, на дверях и стенах, красочные изображения китайских божеств, вырезанные из бумаги иероглифы с пожеланием счастья. Кроме этого, в двух домах метисов я видел висящий над дверью специально приобретенный в буддистском монастыре оберег от чертей (по-китайски «фуэ») и зеркальце, прикрепленное на фасаде. В последнем случае это сделали в доме А. Балябиной и, видимо, по инициативе ее китайской невестки: *А, для семьи хорошо будет. Да, чтоб дети больши все, не хворали. Она говорит это, вот дверь в окошко — не хорошо, вот здесь надо повесить зеркало. <...> Китайские запуги, пугают. Печи, напоминающие русские, в которых пекут хлеб, можно было увидеть только у некоторых метисов, и не в домах, а в хозяйственных пристройках. Да сейчас и надобность в этих печках, к примеру, в Караванной, отпала, так как в селе в 2009 г. начала работать большая пекарня-магазин, и русский хлеб в любом количестве можно купить здесь. Вместо русских же печей в старых домах традиционные китайские печи — кань, в новых — водяные отопительные системы.*

С уходом русских из Трехречья русский дом как таковой перестал существовать. Он кардинально изменился, приобретает китайские черты. Китайские ритуалы совершаются при строительстве и заселении в новый дом. Домовой стал выглядеть как тунгус и говорить по-китайски. К нему и хозяева могут уже обращаться на китайском

В кафе-пекарне п. Караванная. Фото автора, 2009 г.

языке. Внешне и внутренне дом также приобрел китайский облик, сохраняя лишь отдельные элементы, которые напоминают нам о его русских корнях.

Перефразируя слова Шпенглера «когда исчезает тип дома, то это значит, что вымерла некоторая человеческая порода», можно сказать, что когда исчезают люди определенной культуры, то умирает и определенный тип дома. Это и произошло с русским домом в Приаргунском Трехречье.

Литература

Игнатович 2009 — Игнатович Т. Ю. Русская картина мира: региональные языковые реализации общенародных доминант // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Чита, 2009. С. 117—121.

Кляус 2010 — Кляус В. Л. Административная реконструкция русской деревни в Китае // Сибирская деревня: в 3 т. Омск, 2010. Т. 3. С. 234—245.

Логиновский 1903 — Логиновский К. Д. Материалы к этнографии забайкальских казаков // Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела РГО. 1903. Т. 9. Вып. 1. С. 1—135.

Соловьева 2011 — Соловьева М. Р. Характер отражения традиционных форм крестьянской взаимопомощи в современных устных рассказах русских старожилов Приангарья и Забайкалья // Традиционная культура. 2011. № 1. С. 126—135.

Шпенглер 2009 — Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. М., 2009.

Юнг 2003 — Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск, 2003.

Сокращения

Архив УНЦСА РГГУ 2008 — Полевой архив Учебно-научного центра социальной антропологии. Экспедиция 2008 г. в Приаргунье.

Summary. *This article describes the history of a house in the former Russian settlements of Near-Argun-Three-Rivers region (Northern Manchuria) — including changes in the appearance of the house and its interiors, and the transformation of rituals and folklore traditions, connected with houses, which took place under the influence of Chinese culture.*

Key words: *Russian house, ritual and folklore traditions in Russian-Chinese borderlands.*

И. С. СЛЕПЦОВА
(Москва)

«ЖИВОЙ» ДОМ: ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРЬЕРЕ¹

Аннотация. *В статье на материале полевых исследований последних двух десятилетий, проведенных в селах и малых городах Костромской, Вологодской и Ульяновской областей, и мемуарной литературы рассматривается, как человек конструирует свое приватное пространство, какие его элементы являются наиболее важными для создания комфортной среды, дающей ему ощущение безопасности. Основное внимание в работе уделено проблеме личностных проявлений в пространстве дома и наполняющих его вещах.*

Ключевые слова: *антропоморфность дома, личный выбор, интерьер, адаптивная пластичность, гомеостаз.*

В этнологических и культурологических исследованиях дом и человек часто рассматриваются как взаимозависимые элементы микромоделей мира, дом в целом символически уподобляется телу человека, а отдельные его детали — частям тела [Элиаде 1994, 43, 108—112; Байбурин 1983, 10—11; Цивьян 1978]. К проблеме антропоморфности дома можно подойти и с другой стороны, проводя параллели между домом и личностью человека, которая вписана в конкретный культурно-исторический контекст и обладает определенными психическими чертами. При этом более важным становится изучение того, как отражается в пространстве дома индивидуальность человека, поскольку в обустройстве жилища, особенно личного пространства, проявляется фунда-

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России: Традиции и новации в культуре народов России», проект «Кросс-культурный анализ социального пространства и механизмов регуляции социальной напряженности: от традиции к современности».